

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. А. СИДОРОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1960

А. П. ПОГРЕБИНСКИЙ

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В СРЕДНЕЙ АЗИИ В 1860—1880 годах

Вопрос о создании особой финансово-податной системы на присоединенных землях Средней Азии встал на другой же день после завоевания. Военные походы против Кокандского, Бухарского и Хивинского ханств потребовали значительных для того времени финансовых средств. В течение долгих лет после присоединения Средней Азии в Туркестанском генерал-губернаторстве оставалась 50-тысячная армия, содержание которой было возложено на краевой бюджет. Больших затрат потребовал и обширный военно-полицейский аппарат, созданный в крае.

Бессистемные реквизиции и контрибуции военных лет уже не годились, требовалось создание постоянно действующей устойчивой системы податного обложения местного населения, которая была бы способна обеспечить колониальные и фискальные интересы царизма.

Особенности существовавшего в Средней Азии экономического быта и поземельного устройства делали невозможным механическое перенесение сюда налоговой системы, существовавшей в коренной России. Поэтому правительство и администрация края пошли по линии использования традиционных форм налоговой политики. Это относилось как к самим налогам, так в значительной степени и к порядку их взимания.

Согласно традиции, существовавшей при ханской власти, Кауфман разделил все население края на две категории: оседлое земледельческое и кочевое скотоводческое.

Поземельная подать, которой было обложено оседлое население, представляла собой видоизмененный харадж. Последний являлся налогом в пользу хана в размере $\frac{1}{5}$ стоимости собранного урожая. Теперь земледельцы должны были платить за земли, орошаемые атмосферной влагой, $\frac{1}{10}$ часть урожая. При этом была введена система общего измерения всех ежегодно засеваемых земель.

На первый взгляд, уменьшение основного налога вдвое должно было явиться серьезным облегчением положения оседлых земледельцев. На самом деле этого не произошло, так как суть установленного налога заключалась не столько в размере, сколько в методах его исчисления и взимания.

Во-первых, облагалась не только земля под посевами, но и под паром. Поскольку «в Туркестанском крае земледельцы придерживаются трехпольной системы обработки земли», писал в своем отчете о ревизии Туркестанского края в 1882 г. царский сановник Гирс, то «оказывается, что при сборе дохода с двух частей земли они должны были уплачивать оброчную подать за три части, или, говоря вообще, платить не 10, а $13\frac{1}{2}\%$ валовой доходности земли»¹.

¹ «Отчет ревизующего по высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса», б. г., стр. 380.

Во-вторых, крайне неопределенно устанавливался размер облагаемой земли и исчислялась стоимость собранного с нее урожая.

В постановлении съезда податных инспекторов Туркестанского края, происходившего в октябре 1895 г., отмечалось, что самой слабой стороной установленной системы исчисления поземельного налога является неточное определение площади земель, «так как ни уездная администрация, ни податной надзор не имеют в своем распоряжении никаких межвых средств и принуждены полагаться на донесения волостных управителей и сборщиков податей («серкеров»), которые, с одной стороны, лично заинтересованы в сокрытии части посевов, а с другой, — также не имеют достаточно средств для ежегодного перемера всех площадей»².

Еще больший произвол существовал при определении стоимости собранного урожая. Податная инспекция осенью каждого года производила пробный обмолот с небольшой земельной площади, подсчитывая затем стоимость собранного урожая на основании средних рыночных цен. Этот подсчет и ложился в основу исчисления стоимости урожая во всех местностях Туркестанского края. «Такой порядок, — указывал упомянутый съезд инспекторов, — не может быть признан вполне удовлетворительным, так как урожайность этих посевов, особенно в горных волостях, отличается крайним разнообразием и определить средний урожай по волости на основании двух-трех умолотов представляется совершенно невозможным»³.

В 1873 г. генерал Кауфман составил новый проект податного обложения, имевший целью несколько видоизменить существовавший порядок исчисления и раскладки поземельного налога. В запроектированных правилах для каждого сельского общества устанавливалась общая сумма поземельного налога. Предусматривался специальный штат чиновников, которые должны были измерять земли каждого сельского общества. Средний подесятинный урожай должен был определяться по данным прошлого года, а стоимость исчисляться на основе средних справочных цен на сельскохозяйственные продукты; $\frac{1}{10}$ часть подсчитанной суммы и составляла поземельный налог. Распределение общей суммы поземельного налога вменялось в обязанность сельских сходов, которые должны были производить раскладку с «учетом благосостояния» отдельных налогоплательщиков. Хотя проект не был утвержден Министерством финансов, Кауфман ввел его в действие в качестве временной меры в Ферганской области, где он просуществовал вплоть до 1886 г.⁴

Всячески стремясь повысить доходную часть бюджета края, Кауфман и подчиненные ему чиновники изыскивали все способы к тому, чтобы увеличить сумму земельной подати. Одним из таких способов было включение в обложение неудобных и пустопорожних земель.

² ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 1, д. 711, л. 206.

³ Там же, д. 726, л. 207.

⁴ В проекте Кауфмана налог с оседлого земледельческого населения по аналогии с действовавшим в центральных губерниях России получил название оброчной подати. Это обстоятельство вызвало возражения министра финансов Рейтерна, подготавливавшего в это время отмену подушной и оброчной подати. Тогда Кауфман отказался от термина «оброчная подать», заменив его названием «поземельный налог». В связи с этим следует сказать, что некоторые исследователи не разобрались в этой смене названий. Так, например, А. М. Аминов в автореферате своей докторской диссертации «Очерки по экономической политике в Средней Азии» (М., 1955) пишет: «Помимо государственного, поземельного и земского налогов, еще существовал третий вид обложения — оброчная подать, представляющая остатки той податной системы, которая была установлена в первые годы присоединения Туркестана» (стр. 17). В действительности же, как мы показали, «оброчная подать» и «поземельный налог» были разными наименованиями одного и того же налога.

Описывая работы по измерению земли в Ферганской области после принятия положения 1873 г., генерал Кауфман в несколько завуалированной форме признавал, что это мероприятие имело целью в косвенной форме повысить налоговое обложение туземного земледельческого населения, фактически доведя его до норм прежнего хараджа⁵.

Крайняя неопределенность и произвольность методов исчисления поземельного налога в Ферганской области отмечалась в материалах ревизии Туркестанского края Гирсом в 1882 г. Последний прямо указывал, что эти приемы вызвали «общее неудовольствие покоренного населения»⁶.

В большом количестве прошений, поданных на имя Гирса, земледельцы Ферганы заявляют «полную свою готовность платить правительству $\frac{1}{5}$ часть дохода с земель как было при Кокандском владычестве, чем оставаться при теперешнем земельном устройстве и платить в казну $\frac{1}{10}$ часть»⁷.

Система «общественной раскладки»⁸ поземельного налога, введенная Кауфманом, не только не облегчала, но, наоборот, ухудшала положение основной массы земледельцев, так как истинными хозяевами сельских сходов были кулаки и ростовщики. Дело доходило до того, что даже ферганский губернатор в специальном циркуляре уездным начальникам от марта 1882 г. вынужден был потребовать от них, чтобы они встали на защиту трудового земледельческого населения от несправедливостей богачей, взваливающих на него всю тяжесть податей.

Помощник наманганского уездного начальника Дмоховский в 1884 г. указывал, что «правом производить раскладку податей пользовался не сход, а только отдельные личности, кишлачные кулаки, эксплуататоры, которые повели дело эксплуатации народного достоинства на весьма широких началах»⁹.

В ряде случаев часть населения кишлаков, доведенного до отчаяния, бросала насиженные места и, спасаясь от налогового бремени, уходила на новые места. Так, например, в 1881—1882 гг. из пяти кишлаков Балыкчинской волости Андижанского уезда переселилось 116 семейств¹⁰.

Еще одним дополнительным отрицательным фактором, от которого также страдала в первую очередь беднота, было то, что поземельный налог собирался осенью, сразу же после сбора урожая, когда у земледельцев обычно не было наличных денег, а на рынке в силу этого складывалась крайне невыгодная для них конъюнктура. Бедняк вынуждался продавать свой хлеб по самым низким ценам скупщику и хлеботорговцу. Описывая осеннюю продажу хлеба земледельцами для уплаты налога, «Туркестанские ведомости» писали: «Обильное предложение зерна сильно понижает цену на пшеницу, рожь, ячмень и пр., и земледелец должен, благодаря этому, продать гораздо большее количество хлеба, чтобы получить ту сумму денег, которая ему необходима»¹¹.

Помимо поземельного налога, оседлое земледельческое население должно было платить земские сборы и выполнять всевозможные натуральные повинности: содержать в порядке действующую оросительную систему, мосты и дороги, снабжать проходящие войска жильем, предо-

⁵ К. П. Кауфман. Проект всеподданнейшего отчета по Туркестанскому краю. СПб., 1885, стр. 254.

⁶ «Отчет ревизирующего по высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса», стр. 389.

⁷ Там же, стр. 384.

⁸ Ю. Д. Южаков. Итоги 27-летнего управления нашего Туркестанским краем. СПб., 1891, стр. 54.

⁹ Там же, стр. 58.

¹⁰ Там же.

¹¹ «Туркестанские ведомости». 23 июня 1894 г.

ставлять им перевозочные средства и т. д.¹² Земские сборы шли на содержание низовой администрации, они равнялись 35% от поземельного налога.

Одним из дополнительных средств повышения налогового бремени населения было строительство новых оросительных каналов, продиктованное якобы заботой царских администраторов о благосостоянии коренного населения.

В 1872 г., например, Кауфман приступил к строительству канала в Голодной степи, для сооружения которого было мобилизовано около 70 тыс. крестьян¹³.

Со всего населения Ферганской области собирался единовременный сбор из расчета 60 коп. в день на каждого рабочего-строителя. В действительности же каждому из мобилизованных платили «кормовых» денег... по 5 коп. в день. Собранные суммы были, конечно, разворованы подрядчиками и чиновниками, и в 1879 г. строительство канала было прекращено. У возмущенного населения недостроенный кауфмановский канал получил название «свинья-арык»¹⁴.

Такие же бесплодные и разорительные для населения попытки строительства каналов предпринимались и преемниками Кауфмана.

Тяжесть многочисленных натуральных повинностей заключалась главным образом в том, что они должны были выполняться в неопределенное, а иногда и в самое напряженное для дехканина время полевых работ.

Все это дополнялось взяточничеством, произволом и вымогательством чиновников и сборщиков налогов.

При ханской власти в большинстве местностей существовала откупная система взимания налогов. Их собирали специальные откупщики, называвшиеся серкерами. Царское правительство в известной степени сохранило этот порядок.

Сбор податей был возложен на специальных лиц, выделяемых из наиболее зажиточных слоев местного населения, которые продолжали называться серкерами. Такой порядок освобождал туркестанского генерал-губернатора от необходимости создавать многочисленный податный аппарат и нести ответственность за порядок взимания налогов.

Серкеры, чтобы выполнить возложенную на них обязанность, должны были содержать целый штат помощников — межешчиков, лиц, не допускающих сокрытия размеров урожая хозяевами, непосредственных сборщиков налогов и т. д. Весь этот штат содержался за счет коренного населения, с которого для этого взимались незаконные сборы сверх суммы установленного налога. Обычным размером этого сбора, взимаемого с каждого налогоплательщика, считался так называемый «кепсен», равный 1/2 пуда зерна¹⁵.

¹² «Положение об управлении Туркестанского края», Ташкент, 1904, стр. 55.

¹³ В. Я. Непомнин. К истории ирригации в Узбекистане. Ташкент, 1940, стр. 29.

¹⁴ М. А. Герентьев. История завоевания Средней Азии, т. III, СПб., 1906, стр. 302.

¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 1, д. 720, л. 207. Один из участковых податных инспекторов Туркестанского края в докладе на краевом съезде налоговых чиновников описывал существовавший в крае порядок взимания налогов с оседлого земледельческого населения следующим образом: «Этот порядок состоит в том, что сбор налога поручается одному или нескольким особо назначенным лицам, которыми, по усмотрению уездного начальника, бывают либо представители туземной администрации, либо частные туземцы. Такой сборщик податей («серкер») сам приводит в известность размер урожая каждого земледельца и взимает с него налог. Для проверки действий серкера производятся пробные обмолаты и танашное измерение и затем объявляется серкеру общая сумма, которую он должен собрать с населения и сдать в казначей-

С течением времени размеры этой дополнительной мзды непрерывно росли, и в конечном итоге, по признанию самого Кауфмана, к рукам сборщиков податей стало прилипать около половины всех собираемых ими налоговых сумм¹⁶. Это значило, что насилия и вымогательства серкеров, назначаемых администрацией края, носили столь же наглый и разнузданный характер, что и действия ханских серкеров.

В секретном описании Туркестанского края, составленном для Генерального штаба полковником Белявским, указывалось, что когда в Зеравшанском округе в 1871 г. была проведена проверка действий сборщиков податей за 1870 г., то обнаружилось, что было взыскано поземельного налога на 165 тыс. руб. больше, чем внесено в казну, причем утаенная сумма превышала размер официально установленного поземельного сбора¹⁷.

Так обстояло дело со взиманием налогов с оседлого населения Средней Азии.

Для кочевого и полукоочевого населения степных районов после завоевания в качестве основного налога была установлена так называемая кибиточная подать, которая в 1865 г. составляла 1 р. 50 к., а затем, постепенно повышаясь, к 1882 г. была доведена до 4 руб.¹⁸

Министерство финансов вынуждено было признать, что «кибитка» «не дает в настоящее время само по себе никакого понятия о платежных силах киргизов». С одной стороны, это «богатое кочевое хозяйство, считающее сотнями голов разного рода скот и, равным образом, убогая «капа», камышовый шалаш, составляющая жалкое помещение кое-как обеспечивающего свое скорбное существование обработкой 1—2 десятин поля, для одного орошения коего требуется тяжелый, едва посильный труд»¹⁹.

Содержание основного объекта податного обложения кочевников — «кибитка» — отличалось большой неопределенностью.

В тех случаях, когда кочевые скотоводы переходили к оседлому образу жизни, они платили подать с каждой юрты либо отдельного хозяйства, а исчисление количества кибиток производилось ориентировочно для определения общей суммы кибиточной подати, падавшей на волюсть и аул. «При таких условиях, — отмечала податная инспекция края, — фактическая проверка кибиток является невозможной и трехлетний переучет их для исчисления общей суммы подати носит теоретический характер»²⁰. В ряде случаев податные органы не могли сколько-нибудь правильно и точно исчислить количество кибиток, подлежащих обложению.

В официальных инструкциях указывалось, что понятие «кибитки» как единицы обложения должно складываться из трех признаков: жилья, хозяйства и семьи. Между тем в некоторых случаях один из этих признаков (чаще всего жилье) у кочевников-скотоводов отсутствовал или, что вернее, его было трудно обнаружить²¹. Это вело к ориентировочному

ство. Иначе говоря, хараджный порядок представляет в некотором роде откупную систему с тою при том разницей, что серкер всегда может заявить о невозможности собрать исчисленный начальством налог и представить таковой в размере по своему усмотрению» (там же, л. 259).

¹⁶ К. П. Кауфман. Указ. соч., стр. 263.

¹⁷ Полк. Белявский. Материалы по Туркестану, б. м. и г., стр. 84.

¹⁸ «Отчет по ревизии Туркестанского края графом К. К. Паленом», т. 8, СПб., 1910, стр. 10.

¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 1, д. 726, л. 243.

²⁰ Там же, д. 711, л. 172.

²¹ См. журналы II съезда податных инспекторов Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей с 3 по 17 декабря 1896 г., Омск, 1897, стр. 137.

подсчету количества кибиток и, разумеется, с тенденцией в сторону завышения.

Помимо кибиточной подати, кочевое скотоводческое население должно было выплачивать земские, так называемые общественные (на содержание аульных старшин и туземной администрации) и другие денежные сборы, которые взимались по тому же принципу, что и основной налог. Общая сумма этих сборов непрерывно росла. В 1869 г. она составляла 75 коп. с «кибитки», а в 1882 г. выросла до 3 руб.

Всего же каждая киргизская кибитка с начала 80-х годов уплачивала следующие суммы:

кибиточная подать	—	4 руб.
земские сборы	—	1 р. 25 к.
общественные сборы	—	1 р. 25 к.
на школы	—	50 коп.

Итого: . . . . . 7 руб.

Как и при раскладке поземельного налога, распределение кибиточного и других налогов сопровождалось огромными злоупотреблениями, от которых прежде всего страдала казахская и киргизская беднота.

Один из участников завоевания Средней Азии, генерал Крыжановский, в октябре 1865 г. сообщал министру финансов, что киргизы-кочевники платили не 1,5 руб. с кибитки, как полагалось по закону, а 5, 6 и даже 10 руб. серебром. При этом вся излишняя сумма составляла доход местных сборщиков налогов²².

Богатые киргизы-скотоводы еще со времен ханской власти научились скрывать от обложения значительную часть скота. После установления русского владычества эта традиция сохранилась. Податные инспектора на каждом шагу отмечали неправильность сообщаемых богатыми скотоводами сведений²³.

Бедняки не имели таких возможностей. «Обстоятельство это, — говорилось на съезде податных инспекторов, — служит им во вред, так как при раскладке податей по числу скота бедные должны облагаться сильнее богатых, утаивающих большую часть своего скота»²⁴.

Кроме того, кулаки всегда находили общий язык с аульными старшинами при помощи взяток и различных услуг.

Материалы податной инспекции Туркестанского края убедительно свидетельствуют о том, что беднейшая часть аулов и кишлаков облагалась в значительно большей степени, чем зажиточная верхушка. «Размер кибиточной подати, — писал инспектор Кокчетавского уезда Пищиков, — необременителен для населения, но при бесконтрольной и неравномерной раскладке этой подати он непосилен для мелких бедных хозяйств»²⁵.

Весьма разорительным для бедноты было и то обстоятельство, что кибиточная подать, так же как и поземельный налог, собирались осенью, при очень низких ценах на скот. Осенью, писали «Туркестанские ведомости», «киргиз принужден гнать лошадей, баранов и коров на базар и продавать их по весьма низким ценам». В начале 1890-х годов, например, цена барана на рынках Аулеатинского уезда осенью колебалась от 1 р. 20 к. до 2 руб., а весной — от 5 до 6 руб.²⁶

²² ЦГВИА, ф. 843, д. 91, л. 5.

²³ См. журналы II съезда податных инспекторов, стр. 133.

²⁴ Там же, стр. 151.

²⁵ Там же, стр. 133.

²⁶ «Туркестанские ведомости» 23 июня 1894 г.

Острая нужда в деньгах для уплаты налогов приводила также к усилению зависимости беднейшего населения от ростовщиков. На съезде податных инспекторов специально подчеркивалось, что многие киргизско-скотоводы для уплаты кибиточной подати вынуждены идти к ростовщикам, «причем должник уплачивает в лучшем случае 50%, в худшем же 100% и выше»²⁷.

Раскладка кибиточной подати, как и других повинностей и сборов, между аулами производилась волостными управителями, а распределение ее внутри аула производилось аульными старшинами. Для тех и других эта обязанность служила источником обогащения.

Управители и старшины составляли основу низового административного аппарата царизма, получая жалованье от правительства, хотя формально они избирались местным населением и высокопарно именовались Кауфманом «выборной народной администрацией».

Управители и старшины избирались из байской среды, причем выборы почти всегда были связаны с подкупами избирателей и предоставлением взяток царским чиновникам, руководившим «выборами».

Так, например, начальник Андижанского уезда подполковник Коишевский в записке о причинах ферганского восстания 1898 г. отмечал, что лица низовой администрации «попадают на места не иначе, как путем подкупа избирателей, разница только в том, что волостным управителям приходится платить гораздо больше, чем народным судьям и сельским старшинам, но зато и деятельность их шире, разнообразнее, а потому и способов наживы тоже больше. Гонорар за избрание на должность волостного управителя доходит до 7000 руб. Сколько же должно быть при таком расходе нелегальных доходов, чтобы покрыть все нужды избранного, когда волостные управители получают из земского кредита только 1000 рублей в год»²⁸.

Это ценное признание Коишевский «забывает» дополнить информацией о том, во что обходились избираемым в волостные управители взятки и приношения царским чиновникам и прежде всего уездному начальнику, утверждавшему выборы.

Понесенные при выборах «расходы» волостные управители и сельские старшины возмещали, конечно, за счет налогоплательщиков. По свидетельству ревизовавшего Туркестанский край графа Палена, раскладка и сбор кибиточной подати были поставлены таким образом, что открывали «полный простор для произвола должностных лиц туземной администрации»²⁹.

Особенно тягостными для кочевого населения, разбросанного на большие расстояния, были многочисленные натуральные повинности. В частности, для выполнения дорожной повинности кочевники-скотоводы должны были переходить большие расстояния. В связи с этим они добивались в большинстве случаев замены натуральных повинностей денежными, и тут-то туземная администрация старалась максимально развернуть свою «деятельность». Как видно из массовых жалоб киргизов-кочевников, аульные старшины собирали с каждого кибитковладельца в два-три раза больше денег на оплату дорожной повинности, нежели они сдавали податным инспекторам. «С каждой кибитки, — указывал один из податных инспекторов, — собирается на дорожную повинность от 1 рубля до 2 р. 50 к., в приговорах же всегда значится 45—

²⁷ Журналы II съезда податных инспекторов, стр. 167.

²⁸ ЦГВИА, ф. 483, д. 137, л. 26.

²⁹ «Отчет по ревизии Туркестанского края графом К. К. Паленом», т. 8, стр. 17.

80 коп.»³⁰. Съезд податных инспекторов Туркестанского края в 1895 г. констатировал, что «волостные управители и сельские старшины распоряжаются бесконтрольно распределением натуральной повинности между жителями и производят сборы взамен ее, по собственному усмотрению, без установленных на сей предмет общественных приговоров»³¹.

Податной гнет, лежавший на населении Средней Азии, несколько облегчался почти полным отсутствием в 1870—1880-х годах косвенного обложения, в отличие от коренных губерний России.

Местное табаководство и соляной промысел были свободны от акцизных сборов. Введенный правительством питейный сбор падал главным образом на русское население, так как местное население потребляло русскую водку в крайне ничтожных размерах. За 12-летний период, с 1868 по 1879 г. доход от этого налога составил только 3300 тыс. руб.³². Но отсутствие косвенных налогов в первые десятилетия после завоевания с избытком компенсировалось всевозможными экстренными сборами и контрибуциями, которые за те же 12 лет составили сумму свыше 14 млн. руб.³³.

Некоторое облегчение податного бремени после завоевания почувствовали лишь местное духовенство и купечество. Первое было целиком освобождено от податей и повинностей, для второго с 1875 г. размер налогов был резко снижен.

В первые годы после завоевания в Туркестанском генерал-губернаторстве был сохранен существовавший при ханской власти зякетный сбор в размере 2,5% в год со всего объявленного купцом капитала. Хотя и не очень обременительный, этот сбор все же был выше существовавших в центральных губерниях России торговых пошлин. В 1872 г. по ходатайству местных купцов в крае была создана специальная комиссия для рассмотрения вопроса об отмене зякета и введении взамен него действующего в центральных губерниях положения о торговом сборе³⁴.

На основании работ комиссии в 1875 г. это положение было введено, и местное купечество от этого сильно выиграло. В 1874—1879 гг. торговый сбор дал купечеству (с округлением, в тыс. руб.)³⁵:

1874 г.	—331
1875 г.	—198
1876 г.	—283
1877 г.	—202
1878 г.	—254
1879 г.	—329

Таким образом, первый год действия нового положения о торговом сборе привел к значительному снижению собранных с купцов налоговых сумм. Только в последующие годы, на основе общего роста торговли края, этот сбор постепенно начал повышаться.

Удельный же вес торгового сбора в общей приходной смете Туркестанского генерал-губернаторства был весьма мал. За указанные 12 лет (1868—1879) он составил 3400 тыс. руб., или 11% всех доходов края, в то время как поземельный, кибиточный и земский сборы, лежавшие на крестьянском населении, дали 61% всей приходной сметы.

³⁰ ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 1, д. 726, л. 277.

³¹ Там же, л. 245.

³² К. П. Кауфман. Указ. соч., стр. 382.

³³ М. А. Терентьев. Указ. соч., стр. 296.

³⁴ ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 15, д. 301, л. 1.

³⁵ К. П. Кауфман. Указ. соч., стр. 379.

Антинародный, эксплуататорский характер финансовой политики царизма в Средней Азии становится еще более наглядным при рассмотрении расходной сметы Туркестанского генерал-губернаторства.

Как известно, бюджет царской России в целом носил непроизводительный характер; значительная часть расходной сметы шла на содержание армии и управленческого аппарата. В Средней Азии его паразитическая сущность выступала особенно наглядно. Здесь почти все средства, собранные с населения, поглощались военно-полицейским аппаратом, а на просвещение, здравоохранение, благоустройство оставались буквально крохи.

Нигде не существовало такого прямого, беззастенчивого разворовывания народных средств царскими чиновниками и туземной администрацией, как в Средней Азии. Вот некоторые данные. За те же 12 лет на содержание 50-тысячного войска было затрачено около 75 млн. руб., или около 75% всех израсходованных бюджетных средств края. Остальные 25 млн. руб. пошли на содержание бюрократического управленческого аппарата, тюрем, полиции и суда. На просвещение же было израсходовано за те же годы всего 300 тыс. руб., что составляло меньше 1 коп. на каждого жителя в год ³⁶.

К этому прибавим, что в течение первых лет после завоевания (1868—1875) на просвещение не было израсходовано ни копейки, а указанные 300 тыс. руб. были истрачены главным образом на содержание двух гимназий и двух прогимназий, где учились дети русских чиновников. Таким образом, на просвещение и обучение местного населения из бюджета края практически не тратилось ничего.

Даже программа, предусматривавшая открытие в крае смешанных русско-туземных школ и учительской семинарии, которую предложил Кауфман в 1873 г., не была осуществлена, так как министр финансов Рейтерн нашел ее «преждевременной» ³⁷.

Только с 1875 г. для целей руссификации коренного населения Кауфман начал открывать указанные смешанные школы, которые, однако, создавались главным образом за счет местных средств, собираемых сверх государственных налогов. В 1879 г. в Туркестанском крае насчитывалось 56 таких школ и городских училищ с общим количеством учащихся около 2 тыс. чел. на население, превышавшее 3 млн. чел. ³⁸

Еще хуже обстояло дело с медицинской помощью. Из отчета Гирса мы узнаем, что во всем обширном крае в 1882 г. насчитывалось всего 18 уездных и городских врачей и 37 чел. среднего медицинского персонала ³⁹. Это означало, что один врач приходился приблизительно на 170 тыс. жителей. Если учесть почти полное отсутствие аптек и больниц, а также то, что весь указанный медицинский персонал жил в Ташкенте и уездных городах, то станет ясно, что местное население фактически было оставлено без всякой медицинской помощи. «При обширности уездов, разбросанности населенных пунктов и кочевом образе жизни значительной части туземцев, — писал Гирс, — поездки врачей по уезду не приносят значительной пользы» ⁴⁰.

На содержание всех медицинских учреждений края в 1882 г. было затрачено 107 тыс. руб., что составляло около 3 коп. в год на человека.

Так обстояло дело с расходованием податных сумм, поступавших в государственное казначейство. Что касается сумм земских и обществен-

³⁶ Ж. П. Кауфман. Указ. соч., стр. 391.

³⁷ Там же, стр. 436—437.

³⁸ Там же, стр. 502—503.

³⁹ «Отчет ревизирующего Туркестанский край тайного советника Гирса», стр. 158.

⁴⁰ Там же, стр. 160.

ных сборов, попадавших в непосредственное распоряжение местного начальства, то они, как правило, разворовывались им. Даже поверхностные проверки без труда обнаруживали десятки вопиющих злоупотреблений. Так, например, ревизия Гирса в 1882 г. установила, что деньги, собранные на земские потребности, либо прямо раскрадывались, либо расходовались на различные пиршества и банкеты. Генерал Терентьев сообщает, что земские деньги тратились на сады и дачи губернаторов.

В 1875 г. из земского сбора 17 тыс. руб. было роздано в долг местным чиновникам, 4100 руб. пошли на покупку мебели для трех уездных начальников и 8 тыс. руб. были истрачены на устройство триумфальной встречи Кауфману, вернувшемуся после подавления кокандского восстания, а также на другие столь же чуждые народу цели⁴¹.

Официальные правительственные круги в экономической литературе 70—80-х годов твердили об «убыточности» Туркестана. По данным отчета Кауфмана, расходы края за 12-летний период составили 99 млн. руб., а доходы — только 32 млн., таким образом, официальный дефицит равнялся 67 млн. руб., или свыше 5,5 млн. руб. в год.

Но этот подсчет был фальшивым, так как не учитывал, что краевой бюджет покрывал расходы общего государственного бюджета и прежде всего содержал, как уже указывалось, 50-тысячное войско. За 12 лет это обошлось в 75 млн. руб., хотя подобные расходы должны были идти за счет сметы Военного министерства, как это делалось по отношению к войскам, расположенным в других местностях России. Уже эта сумма превышала весь указанный бюджетный дефицит края на 7 млн. руб. Другими словами, бюджет края не только не был дефицитным, но сводился даже с некоторым превышением доходов над расходами.

Официальная версия об убыточности Туркестана была чрезвычайно удобна и выгодна для царской бюрократии. С одной стороны, она оправдывала антинародную, исключительно обременительную налоговую политику, проводимую в завоеванных землях, с другой — мотивировала мизерность затрат на социально-культурные и прочие нужды края.

Более того, присоединение Средней Азии привело к увеличению общегосударственных доходов от таможенных пошлин. С 1888 г. правительство начало сильно повышать таможенные тарифы на ввозимый в Россию из США хлопок. Сперва тариф равнялся 1 руб. с пуда хлопка, затем с 1894 г. его увеличили до 3 р. 15 к. Рост таможенных пошлин на хлопок имел двоякое значение: во-первых, он содействовал развитию хлопководства в Туркестане и повышал прибыли хлопкоторговых фирм и, во-вторых, увеличивал доходы фиска. В начале 1890-х годов таможенный доход от ввозимого хлопка составил около 25 млн. руб., а в начале 900-х годов, к моменту установления 4-рублевой пошлины в 1903 г. — до 40 млн. руб. ежегодно.

Это означало, что доходы от таможенных пошлин на хлопок немало превышали весь краевой бюджет Туркестана.

* * *

Все сказанное приводит к выводу о том, что налоговая политика царизма в Средней Азии в рассматриваемый период носила реакционный, ярко выраженный колониальный характер. Она ускоряла разорение трудящегося населения, обогащала кулацко-байские слои, купцов и ростовщиков, а также царскую и туземную администрацию, задерживая тем самым развитие производительных сил края.

⁴¹ М. А. Терентьев. Указ. соч., стр. 322.